

О.А.Уроженко

Размышляя о культуре внутренней жизни: Вера, Надежда, Любовь как деятельность в пространстве Беспредельности¹

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, –
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Ф.И.Тютчев

Очевидно, что кризис охватил сегодня все сферы Бытия, в том числе и феноменальный мир сознания, пространство человеческих переживаний. Современные психологи констатируют не просто обилие критических ситуаций, обрушившихся на человека; они свидетельствуют о кризисе Жизни.

С кризисом психологическая наука, как правило, связывает те «ситуации невозможности», при которых противоречивость жизненного мира достигает черты катастрофической напряженности и опасной всеохватности.

Внутренней необходимостью каждой личности является реализация ее пути, ее «жизненного замысла». Когда человек оказывается в положении бессилия перед осуществлением важных «внутренних необходимостей жизни» – мотивов, стремлений, ценностей, отношений и т. д., – привычный ход существования прерывается, наступает кризис жизненного мира личности. А если речь заходит о невозможности осуществить внутренне необходимые *родовые* качества человека: «человечность», «чувство природной религиозности» (Л.В.Шапошникова), стремление быть универсумом и т.д., – встает вопрос о кризисе основ Жизни, о всеобщем кризисе Жизни. Сознание в этом случае не может

---

¹ Идеи космизма в педагогике и современном образовании: от прошлого к будущему (Материалы научно-педагогической конференции). Екатеринбург.: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 57–80.

ни выйти из критической ситуации, ни разрешить ее, найдя компромисс между противоречиями, ибо оно «парализовано» в результате неспособности имеющихся у человека средств, инструментов разрешить противоречия: справиться с агрессивностью требований внешней среды и теряющим цельность живого динамического равновесия, сползающим в хаос внутренним миром. Привычным способом ничего сделать невозможно! Для того чтобы трансформировать экзистенциально-напряженную ситуацию, уже недостаточно изменить отдельные ценности внутри общего смыслового поля Жизни (как в случае стресса), недостаточно деликатно ввести в семантику жизненного пространства новую ценностную координату (как в случае фрустрации или конфликта). Ситуация кризиса неизбежно ставит перед человеком «задачу» на пробуждение особой деятельности – деятельности по производству новой системы смыслов, самоотверженной работы по переделыванию себя в мире и мира в себе¹. Иными словами, жизненная ситуация ставит человека перед той деятельностью переживания, какую вслед за Аристотелем называют катарсисом и единственным достойным результатом которой может стать лишь обретение новой парадигмы сознания.

Ученые, деятели искусства, философы называют различные ключевые понятия, открывающие врата в новое осознание мира. Среди них звучит и Беспредельность. Какими путями входит Беспредельность в сознание современного человека? Ответы также различны: через Красоту, через Культуру, через «чувство Высшего», через «чудо», телепатию и ясновидение, через научные теории, в которых познается ранее непознанное, становится зримым ранее незримое и т.д., – словом, через Возвышенное и Необычное. Не отрицая ни один из названных путей, все же заметим: если верно, что «все гениальное просто»; если аксиомой стала мудрость: «Ищите близко!», то среди путей, вводящих в новую парадигму, должны быть и самые простые, лежащие как бы «на поверхности», заключенные в хорошо знакомых каждому переживаниях, в «опыте каждого дня», в пространстве повседневности.

Где скрывается Беспредельность? Перефразируя И.Канта, скажем: в звездном своде над головой и нравственном законе внутри нас. Постигание Беспредельности через фундаментальные нравственные законы, состояния, чувства и станет предметом наших дельнейших размышлений. Как раскрывается Беспредельность через три универсальные общечеловеческие ценности, три важнейшие проявления духовности; три особые способа знания о непостижимом, три вида психической деятельности, через три «существенно иррациональные феномена», – через Веру, На-

---

¹ *Васильюк Ф.Е.* Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М., 1984.

дежду, Любовь? В истории Культуры названные ценности персонифицированы. Став именами собственными, – женскими! – они навеки проросли в человеческое, укоренившись как *родовые* качества человека.

* * *

Вера – крыло молитвы.

Иоанн Лествичник

Вера – постоянное основоположение души.

И.Кант

Вера есть непреложное знание.

Е.И.Рерих

С точки зрения здравого смысла, а иногда и в рассудочных научных теоретизированиях Вера есть «мнимое», «слепое», «незнающее» знание, знание, принимающее идеи без достаточных обоснований. Иногда Веру определяют высокомерно – как «неспособность вместить полноту истины», которой якобы приоритетно владеют научные теории. Это нашло отражение даже в таком издании, как «Философский энциклопедический словарь». «Вера – принятие чего-либо за истину, не нуждающееся в необходимом полном подтверждении <...> со стороны чувств и разума и, следовательно, не могущее претендовать на объективную значимость». И далее: вера «по своей сути всегда слепа, ибо та вера, которая имеет надежное основание и объективную гарантию, не настоящая, в ней отсутствует решающий [для веры] момент риска собственной личностью, так как это чувство может ошибаться». Статья в словаре отчетливо фиксирует антиномию: «Кто знает, тот не может верить»; кто верит – тот не знает¹.

Таковы очевидные смыслы Веры.

Однако, как известно, само слово «вера» адресуется к латинскому «*veritas*» – истина, «*verus*» – истинный. Вера, следовательно, оказывается всецело причастной к Истине; не к правде, не к теории, но к Истинности! В акте Веры – значит в Истине! В свете Веры – значит спокойный и бесстрашный взгляд в Истину и из нее. В Вере присутствует сама возможность Истинности².

---

¹ Философский энциклопедический словарь М., 1999. С. 64.

² См. о Вере как феномене знания, о соотношении научного знания и «мифологической истинности» в работе: *Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений.* М., 1990, а также в кн.: *Пивоваров Д.В. Вера и знание в религии и науке.* Екатеринбург, 1994.

С позиции ученых так называемого традиционного толка, с точки зрения религиозного философствования, свидетельств, оставленных людьми, опытными в ведении духовной жизни, Вера есть «постижение», «обладание», «переживание» всей полноты Истины¹, ибо, как отмечают исследователи, любое знание – научное, художественное, философское, нравственное и т.д. – начинается с интуитивных прозрений, с априорных законов-аксиом. Оно вырастает на фундаменте интуитивизма – того «особого непосредственного знания, которое часто и именуется духовной верой». «Вера есть предчувствие знания»², «подлинное начало всякого человеческого познания». И тогда «некое состояние», «некий феномен психики человека, называемый верой», видится обусловленным «не религией, а всеобщими закономерностями познавательного процесса»³. «Импульс веры направляет к истине»⁴, строя мост между частичным, усеченным, рациональным (рассудочным) знанием и внерациональным. Касаясь миров иных, вера остается и здесь, в нашей душе, в нашем сердце. Веруя или даже просто веря, мы пробуждаем в себе некие невидимые струны, и Инобытие бережно касается арфы Духа.

В свете энергетической картины мира, в контексте духовного наследия семьи Рерихов можно позволить вопросы: откуда приходит Вера? Как улавливается это знание? «Знание духа постигается» не трактатом и не разумом, но «знанием духа»⁵, то есть тем потенциалом особых возможностей, которые до поры до времени таятся в человеке и которые каждый раз, даже уже подозревая об их существовании, он открывает в себе как бы заново, находя их как клад, некогда мудро захороненный, как наступившую наконец реализацию некогда накопленных, но забытых способностей, как неожиданный дар из Прошедшего. Это знание – плод долгих жизненных опытов и наслоений. Оно «знает непреложно именно сущность всего происходящего <...> знает направление эволюции, знает будущее». Оно далеко от неясных предчувствий, туманных сновидений, эфемерных прозрений, ибо это знание обладает простотой «прежде всего в смысле ясности духовной»⁶.

---

¹ *Святитель Игнатий (Брянчанинов)*. Беседа Старца с учеником о молитве Иисусовой. М., 1999; *Гегель*. Философия духа: Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т. 3; *Лосский Н.О.* Обоснование интуитивизма // *Избранное*. М., 1991; *Франк С.Л.* Непостижимое // *Франк С.Л.* Соч. М., 1990; *Ясперс К.* Философская вера // *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991.

² Иерархия, 426.

³ *Борунков Ю.Ф.* Структура религиозного сознания. М., 1976. С. 152.

⁴ Братство, 671.

⁵ *Рерих Е.* У порога Нового Мира. М., 2000. С. 86.

⁶ Письма с Гор: Переписка Елены и Николая Рерих с Рихардом Рудзитисом. В 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 32.

В письмах к старшему сыну Елена Ивановна Рерих настойчиво повторяла: «Работай и ни о чем другом не беспокойся. Все знание, кот[орое] ты можешь получить, заложено в тебе самом». «...Работай, не унывай и помни, что мы очень счастливые, имея такие духовные ресурсы, ибо только в них истинное счастье»¹. Поистине, Вера есть знание Духа.

Исследователи определяют веру, опираясь и на другие основания. Д.В.Пивоваров в фундаментальной работе «Вера и знание в религии и науке» пишет: Вера есть «духовное влечение души <...> к беспредельному Духу», к предельно доступным основаниям Бытия. Она есть – «пребывание» в них, слитность и обладание ими; положенность души в Дух (Гегель). Она – минующее все призмы рассудка видение оснований Бытия, созерцание без условий, безусловное знание, прямое усмотрение Истины. В этом переживании, в постижении смыслов предельно доступной целостности и полноты Бытия заключено неумолимое основание объективной достоверности знания, которым обладает только духовная вера².

Взывая из мира страданий к беспредельной Истинности, человек открывает Веру как свое коренное, родовое свойство, как качество человечности вообще, как зов и отклик своей духовной родины. Ибо не раз отмечалось – само непосредственное знание, Вера, возникает в нас благодаря неизбывному «влечению», тяге, «притяжению» (П.Флоренский) человека к Бесконечному, удивлению его красоте и глубинам, потрясению от неожиданно открывающегося подобия, фрактальности «Вселенной, спрессованной» внутри нас самих (М.Е.Салтыков-Щедрин) и Мироздания, неоглядно раскинувшегося вокруг (С.Л.Франк).

Так в контексте различных мировоззренческих подходов обнаруживает себя магнетизм в качестве всеобщего свойства Беспредельности³. Иначе как объяснить источник Веры, механизм действия, онтологические, бытийные основания ее укорененности в человеке? В логике энергетического мировоззрения это свойство Беспредельности может быть понято как действие Великого Космического Магнита⁴. Будучи пронизана живыми магнитными излучениями, Беспредельность в пространстве Веры перестает казаться «дурной бесконечностью» (И.Кант), «бесструктурной» пустотой. Она раскрывается как Бытийное образование, как особый Жизненный Мир, имеющий свои характеристики и черты. Она обретает некую телесность, предметность особо утонченных, сияющих состояний беспредельно-мерной духо-материи.

---

¹ Рерих Е.И. Письма. М., 1999. Т. 1. С. 14, 26.

² Пивоваров Д.В. Вера и знание в религии и науке. С. 6, 7, 9.

³ Беспредельность. Ч. 2, 544.

⁴ Шапошникова Л.В. Мудрость веков. М., 1996. С. 329–333.

Вот как пишет о молитвенной Вере И.А.Ильин в сочинении «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний». Если тихое дыхание «немеркнущего, спокойного, но властного света» разливается во всем внутреннем пространстве личной души, если «возникает это дивное чувство, будто Потустороннее стало посюсторонним для сердца и совести», непрерывно излучаясь из их глубин, – значит, человек, став пронцаемым для Света Истины, пребывает в состоянии безмолвной Молитвенной Веры, значит, он способен строить свой жизненный мир, все жизненные содержания души, поступки, действия, неизменно соизмеряя их этим Беспредельным светом Истинности. Он может «есть, пить и спать, напряженно работать и предаваться отдыху, а внутренний свет не покидает его: он [вспыхивает вновь и вновь] будет очищать <...> его душу, светить ему во всех его жизненных делах, освещая в них добро и зло, утверждая его в благе и отнимая у него возможность совершать злые, черствые, низкие и пошлые поступки. Человек может забывать про этот, тихо тлеющий в нем, уголь безмолвной молитвы, но уголь этот будет неосяземо вершить свое великое дело – жизнеосмысливающее, очистительное, освящающее и исцеляющее». Владеющему оче-видными смыслами Веры недостает этой уникальной способности – «быть настолько захваченным истиной, что вся душа растворяется в ней»¹.

В пределах обозначенного подхода становится понятным бытийно-мудрое утверждение: в мире нет зла – есть только несовершенство; в мире нет тьмы – есть только невежество (Н.К.Рерих).

Возвращаясь к предмету наших размышлений, можно сделать вывод: Беспредельность в пространстве смыслопереживаний Веры раскрывается как беспредельно-истинное Бытие, как Всеобщая Истинность, как всевещающая Истина. В кристалле Беспредельности, открывающемся в Вере, истинно всё. А это значит – истинны и ошибки, и заблуждения (Аристотель), и иллюзии... Пытаясь уйти от очевидного противоречия, мы обнаруживаем скрытые, не-оче-видные, смыслы. Под лучом Веры ошибки входят в Истинность теми гранями, которые рождаются как «последствия», оставленные ими в сознании человека. Можно уточнить. Под лучом Веры ошибки входят в пространство Истины теми выводами, решениями, которые открывают новые, еще более увлекательные возможности, новые горизонты развития человека.

Е.И.Рерих писала американским сотрудникам в ноябре 1928 года: «При чистом устремлении даже ошибки обращаются в удачу – помните это, любимые!»² А Н.К.Рерих в августе 1935 года в Тимур Хада в листе дневника, озаглавленном «Польза Доверия», отмечал: «Конечно,

---

¹ Ильин И.А. Собр. соч. М., 1994. Т. 3. С. 304–305, 223.

² Рерих Е.И. Письма. М., 1999. Т. 1. С. 39.

все могут ошибаться, но дело лишь в том, какое последствие оставляют всякие ошибки в человеческом сознании. Для одного они сделаются источником постоянного пессимизма, который приведет их и к безволию, и к сомнению, и к озлобленности. Для других же <...> послужат лишь горнилом для выковывания новых светлых достижений <...>

Опытный мастер из каждой, как бы происшедшей, ошибки сумеет сделать новое, ценное дополнение к своему творению. Каждый скульптор, каждый резчик подтвердит, как ему приходилось сталкиваться с неожиданными особенностями материала и как он должен был проявить всю добрую находчивость, не только чтобы обойти это препятствие, но, наоборот, сделать из него явную пользу». «Стратегией» называет Николай Константинович «каждое жизненное искание и нахождение» на поле «духовной битвы». Именно «стратегией» дальнейших действий назовем и мы те грани, которыми входит так называемая ошибка в поле Истинности. Как приращение истины, ошибка необходима «исключительно» «для пробуждения духа находчивости, соизмеримости и разборчивости в каждую минуту зримой и незримой битвы»¹.

И еще один пример, совсем простой, житейский. В повседневности мы нередко сталкиваемся со сложными проблемными ситуациями, в которые попадаем как будто случайно, «по ошибке». Как мы воспринимаем их? Обычная первая реакция – «образ врага», мешающего жить спокойно, не дающего свободно реализовать намеченные ранее заманчивые планы. Мы страстно, отчаянно боремся, ищем виноватого, как прокурор, укоряя, обвиняя, осуждая вся и всех, так или иначе причастных к встающей на пути ненавистной проблеме. Но в таком отношении нет истинности. «Силы, действующие друг против друга, взаимно уничтожаются <...> действующие врозь, теряют в зависимости от угла расхождения»².

А если затрудняющую жизнь ситуацию принять... Если занять позицию адвоката: понять, объяснить, оправдать необходимостью научиться терпеливо сносить все тяготы жизни. Иными словами, – примириться: ведь «плетью обуха не перешибешь». Однако внутренне чувство подскажет, что и эта позиция далека от истинности. Безволие и безынициативность, пассивность и самоуничтожение, неверие в свои силы, умаление своих возможностей, готовность подчиниться судьбе – таков далеко не полный перечень опасностей, подстерегающих человека, занявшего позицию «непротивления». Ведь даже «капля точит камень»!

---

¹ Рерих Н.К. О Вечном... М., 1991. С. 302.

² Письма Елены Рерих. Новосибирск, 1992. Т. 1. С. 53.

Но испытание можно принять и как... помощь, как руку друга, – если уловить экзистенциально-напряженную задачу, заключенную в нем, задачу со множеством неизвестных, задачу, которую предстоит решить здесь и сейчас. «...Препятствие есть возможность»¹. «...В каждом препятствии заключена и какая-то возможность – лишь бы усмотреть ее»².

Действительно, каждая ситуация требует ответной реакции, нашего решения: не только внешнего – прежде всего внутреннего. Какое необходимое из множества возможных ответных действий скрыто в этой обрушившейся на меня ситуации? что мне надо в себе преодолеть? с чем расстаться? каким проявлением моего невежества пожертвовать? что поддержать, укрепить? И если мое ответное внутреннее действие глубоко пережито, осознано – оно станет необходимым, то есть истинным, непреложным для настоящей поры моей жизни. И если решение – то самое, если оно резонирует с общим ритмическим рисунком эволюционного хода этой жизни, то еще час назад «холодная» и «колючая» ситуация становится «теплой» и разрешается, «тает», «рас-сасывается» как бы сама собой. «Степень необходимости» действия, преобразующего пространство нашего жизненного мира, и будет определять «меру успеха» этого действия. Есть лишь одно «основное удобство», один успех жизни, к которому достойно стремиться человеку – это «удобство», этот успех именуется наилучшими условиями для «нарастания сознания»³. «Полезно углублять сознание о постоянной испытываемости <...> все вещество мира взаимно испытывается. Только нужно под испытанием понимать улучшение»⁴.

По-иному эта же мысль выражена в словах Преподобного Серафима Саровского: «Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай». Человека любить надо. Надо верить лучшему в нем.

Так, в приведенных примерах «повседневное сплетается с самым основным» (Н.К.Рерих) и переживание (одна из форм познания) ошибки: ее обнаружение, осмысление, покаяние, понятое как непреложное устремление к улучшению, жизнестроительное решение-следствие, – вводит Истинность во внутренний мир человека, свидетельствуя о безграничном потенциале нашего жизнетворчества. Не здесь ли истоки так мучительно постигаемой нами веры в себя, в свой безграничный мир, который необходимо беспредельно улучшать и совершенствовать. Действительно, наши невзгоды приходят к нам, чтоб мы наконец вспомнили свою жизненную задачу.

---

¹ Агни Йога, 494.

² Письма с Гор. Т. 1. С. 195.

³ Агни Йога, 424, 427.

⁴ Община (Рига), 87.

Подводя итог сказанному, подчеркнем: Вера – это знание о том, что в привычной жизни всегда есть нечто неучтенное, некая тайна, некий внерациональный остаток Бытия, детерминанта, не устанавливаемая мерками обыденного сознания, однако существенно влияющая на нашу текущую и будущую жизнь и даже определяющая ее. И детерминанта эта прилежит сфере Истинного, пространству Беспредельного. Вера есть знание, полученное в Высших Собеседованиях, что подразумевает не туманный мистицизм, а всего лишь понимание реальности «во всей беспредельности»¹.

В этом смысле Вера становится неизменным признаком культуры знания. «Исключительная посюсторонность делает жизнь плоской» (Н.А.Бердяев). Но Вера выводит познаваемое явление из узко рационального ряда во внерациональное, в «Общий мировой план» (Е.И.Рерих). И тогда привычное пространство Жизни оказывается организованным по законам обратной перспективы, переходит в другое состояние, становится Иным – включается «в ритм высшего, огненного, вечно расширяющегося потока Бытия беспредельного!»²

* * *

Где умирает надежда, там возникает пустота.

Леонардо да Винчи

Сердце не может иметь мира, если в нем нет надежды.

Преп. Серафим Саровский

Если чувство Веры рождается в муках обыденного сознания, то Надежда как состояние души с очевидной легкостью укоренена в повседневный опыт. Шлягером была в 1980-е годы песня на стихи Николая Добронравова, в которой есть пронзительные по прозрению строки; не метафоры, а реальность с точки зрения энергетической картины Бытия: «Надежда – мой компас земной»; «В небе незнакомая звезда / Светит, словно памятник Надежде». Позднее популярной стала песня Андрея Макаревича: «Чтобы жить, и дышать, / И любить, и мечтать, / Пусть меня не оставит Надежда». И, наконец, строки Олега Газманова: «Надежда умирает последней, / Сжигая все мосты за спиной».

---

¹ Аум, 68.

² Рерих Е.И. Письма. М., 1999. Т. 1. С. 47.

Тем не менее, с точки зрения здравого смысла, в контексте опыта одной земной жизни человека Надежда хотя и утешительна, но обманчива. Жизненная иллюзия, ложь, пусть даже и «святая» (вспомним рассказ А.Куприна «Святая ложь»), ассоциируются обыденным сознанием с психологическим состоянием надежды.

На одном из выступлений ко мне подошла девочка и сказала, что она очень хочет быть балериной, – но как ей осуществить свою мечту?! Я видела, что она – невысока, коренаста, с коротковатыми ножками. Как ответить, не солгав, как сказать о надежде, чтоб последняя не стала самообольщением?!

Надежда как достоверность, как высочайшее внерациональное состояние души, отражающее в своих гранях реальность, может быть понята только исходя из горизонтов беспредельности Бытия. В переживании Надежды как универсальной ценности Беспредельность раскрывается фундаментальным законом всеобщей цикличности развития мира, или, если пользоваться терминами восточных философских школ, законом реинкарнации, доктриной перевоплощения¹. В этом случае Надежда – не аффект, не слепое упование, а трепетное, подчас робкое предчувствие реальности будущего, «мóгущего Быть» (С.Л.Франк). Становится бытийно понятно, почему «выгодно», «целесообразно» надеяться; почему Надежду как специфически человеческий способ психической деятельности следует относить не к случайным, а к родовым качествам человека, к свойствам, в которых, как и в Вере, слышится отзвук его духовной родины – Беспредельности.

Надежда обусловлена ожиданием Истины. Она длит, «вдвигает» бытие настоящего в пространство будущего и, подобно свету незнакомой, «неявной» звезды, освещает вехи пути туда. Она принципиально ориентирована на реальность вечности, на обладание ею. «Бытием будущего в настоящем» определил Надежду известный философ А.Г.Спиркин².

В переживании Надежды, в ее смысловом поле время как линейное, идущее из прошлого через настоящее в будущее, преодолевается временем, понимаемым как «срок». Что такое «срок» или «закон сроков»? Крестьянин сеет не 10 мая, а... когда «придет срок»; жнет не 15 августа, а... когда «срок выйдет», «час пробьет», «пора наступит». Слишком рано или чересчур поздно – порицаются одинаково. Великий правитель средневековой Индии шах Акбар говорил: «Преждевременность судима, запоздалость уже осуждена»³. Удача не в поспешности,

---

¹ Блаватская Е.П. Теософский словарь. М., 1994. С. 341, 358–359; Садгुरु Шивайя Субрамуньясвами. Современный катехизис индуизма. Киев, 1947. С. 717.

² Спиркин А.Г. Философия. М., 1999. С. 317–319.

³ Листы Сада Мории. Кн. 2. Озарение. Ч. 3, II, 11.

но и не в неторопливости. Она в понимании времени, в том, чтобы «сделать в срок».

Но что значит – «сделать в срок»? Это – сделать «когда нужно»: в момент наибольшего надлежания, в пору наивысшей необходимости, в минуты наилучшего соответствия, в час наиболее обостренной потребности, в период самых благоприятных следствий. Одним словом, как говорит мудрость, когда «дух стучится», когда сердце подсказывает. Учтивший сердечному распознаванию опытный в ведении духовной жизни Преподобный Серафим Саровский пояснял в своих наставлениях: «Когда человек примет что-либо Божественное [в нашем случае – уловит срок, сложенный бескрайним эволюционным течением Жизни], то сердце радуется; а когда дьявольское, то смущается <...> сердце все будет чувствовать какую-то неясность, волнение в мыслях и смятение чувств». «...Почувствовать сердцем <...> – уточняется в философском наследии семьи Рерихов, – это значит – надо применить к земному плану»¹.

Срок – напряженная фигура времени. В нем счастливо, целесообразно, в наибольшей гармонии встречаются, сходятся необходимость, возможность и действительность. Говоря языком метафоры, они образуют неповторимый узор, соразмерный, со-ритмичный «мировому узору» арабески – древнейшему восточному символу беспредельного пространства жизни. Вслед за Г.Лейбницем время тогда определяется не только как длительность, но и как особый порядок смены, встречи, сосуществования явлений в беспредельном пространстве вечности.

В данном смысловом контексте получает неожиданную конкретизацию чрезвычайно трудный и для философской рефлексии, и для экзистенциальной «проработки» феномен меры, в истории философии разработанный Гегелем. Как и срок, мера оказывается «полевой фигурой». «В меру», «по мере» – значит совершить действия «в нужном месте», «в нужный срок», «с нужной силой» и т.п. Иными словами, воздействие «в меру», «по законам меры» это не энергетически мощное, а «правильно топологически организованное [воздействие]. Не вкладываемая энергия, не интенсивность воздействия, а его топологическая конфигурация, симметричная “архитектуре” [системы, подвергающейся влиянию], наиболее существенны». «В меру» – значит «слабые, но правильно организованные – так называемые резонансные – воздействия, благодаря которым система оказывается способна дать неожиданно сильную ответную реакцию и сама развернуть богатство таящихся в ней потенциальных возможностей»².

---

¹ Листы Сада Мории. Кн. 2. Озарение. Ч. 2, I, 8.

² Князева Е.Н. Синергетический вызов культуре // Синергетическая парадигма. М., 2000. С. 247.

Как определяется «мера», «нужное», «топологически чувствительное» место? В терминах духовного наследия семьи Рерихов «в меру» – значит соизмеримо, «в такт» с эволюционным движением Жизни.

Живя «в меру», «в срок», «не перетягивая», но и «не ослабляя струн», избегая флюсоподобия и аморфности, сопрягая, синтезируя, синхронизируя множество развивающихся в разном темпе, живущих с разной скоростью, качественно различных процессов, свойств, особенностей и т.п., человек оказывается способным реализовать через себя, через свой жизненный мир, через свое сознание один из величайших фундаментальных законов Бытия – закон всеобщего единства, всеобщей связанности мира. Объединенные в новый «темпомир» структуры начинают органично развиваться, как особая пластически целостная резонансная фигура жизни.

Интегрированность, согласованность, составляющие смысловое ядро феноменов «в срок» и «в меру», приводят к мысли о том, что оба эти явления оказываются способами, которыми обнаруживает себя Гармония (в нашем случае мира и человека) как естественное равновесие бесконечного множества равномерно напряженных, «натяженных» сфер¹.

Возвращаясь к теме статьи, отметим следующее. Стремясь во что бы то ни стало здесь и сейчас изменить свою судьбу в желанную сторону, человек нередко прибегает к известным в истории культуры, но искусственным способам осуществления желаний: магии обрядов, колдовству ворожбы, вызываниям чудес и т.п. Но «насильственно скомканная» грубым вмешательством извне материя жизни теряет свою органическую структуру; нарушается законный ритм ее живого непосредственного движения, ее естественного эволюционного развития. И мимолетно блеснувшая удача часто в конечном счете оказывается мнимой, непрочной, не заслуженной, не выношенной духом. В энергетическом же поле Надежды, понятой сквозь Беспредельность, все исполнится, все реализуется, всему наступит свой черед, свой срок. И случится это тем органичней, естественней, красивей, чем больше действия человека, направленные к осуществлению Надежды, – и обычные физические, и более тонкие духовные, – будут соответствовать законам срока и меры. Когда же наступает срок, то, говоря языком восточной мудрости, даже муравей может стать вестником, побуждающим к плодотворным для твоей судьбы действиям. Нужно лишь иметь чуткое ухо, зоркий глаз и умное, преданное мечте сердце. Вспоминается один из завершающих эпизодов феерии А.Грина «Алые паруса». «[Ассоль] читала; по странице полз зеленоватый жучок, останавливаясь и при-

---

¹ Надземное, 341, 345.

поднимаясь на передних лапах с видом независимым и домашним. Уже два раза был он не без досады сдунут на подоконник, откуда появлялся вновь доверчиво и свободно, словно хотел что-то сказать. На этот раз ему удалось добраться почти к руке девушки, державшей угол страницы; здесь он застрял на слове «смотри», с сомнением остановился, ожидая нового шквала, и, действительно, едва избег неприятности, так как Ассоль уже воскликнула: «Опять жучишка... дурак!..» – и хотела решительно сдуть гостя в траву, но вдруг случайный переход взгляда от одной крыши к другой открыл ей на синей морской щели уличного пространства белый корабль с алыми парусами¹.

И еще одно замечание. Надежда бытийно осуществляет право человека на совершенствование. В рамках той парадигмы сознания, которая основана на принципах ноосферного подхода к картине мира и которая включает мысль как инструмент, орудие, как особый способ действия на новом, антропогенном уровне развития Земли, право на совершенствование, заключенное в чувстве Надежды, получает онтологическое обоснование. Переживая Надежду, человек выступает не пассивным, но активным, деятельным существом; он продуцирует мыслеобразы, энергетические фигуры ожидаемого будущего, осуществляя хорошо известную традиционной теоретической науке деятельность целеполагания. Опыты свидетельствуют, что мысли магнетичны². Они творят в пространствах будущего силами притяжений. Как эхолоты, как якоря спасения, они подтягивают, складывают возможности реализации того, что возвращают Надежды.

Надежда – очень напряженный, хотя и утонченно-гармонический способ психической деятельности. В контексте космического мировоззрения, как оно изложено в философском наследии семьи Рерихов, в трудах Л.В.Шапошниковой³, можно сказать, что среди обыденной жизни она дает прямой, непосредственный опыт творческого, сознательно-строительства, созидания из тончайшей субстанции мысле-материи. И тогда не «кладбищем надежд» предстает человек. Надежда оказывается генеральным архитектором многих человеческих жизнетворений.

Имея Надежду в сердце, мы напрямую реализуем жизнь в двух мирах.

---

¹ Грин А.С. Алые паруса. Бегущая по волнам. Свердловск, 1980. С. 65.

² Ануфриев В.П., Ануфриева Е.И. Осознание мысли как энергии // Идеи космизма в педагогике и современном образовании. Екатеринбург, 2004.

³ Шапошникова Л.В. Философия космической реальности // Культура и время. 2003. № 2; Шапошникова Л.В. Космическое мышление и новая система познания // Культура и время. 2003. № 3/4.

* * *

...Нужна любовь для пути в Беспредельность. Проводник так нужен...

Живая Этика. Сердце

... Жить трудно,
мой мальчик, помни приказ:
жить, не бояться и верить.
Остаться свободным и сильным.
А после удастся и полюбить.

Н.К.Рерих

Каким же высоким духовным синтезом Жизни нужно обладать, чтоб овладеть тем способом психической деятельности, который именуют Любовью. «Пылайте сердцами – творите любовью» (Я.А.Коменский).

«Мир полон дремлющей любви»¹, но и сейчас нужны многие и многие сроки, чтоб сделать ее способом, инструментом ведения жизни. «Легкая дорога – лучшая дорога» – слова Рамакришны. Легкая дорога – это любовь»². Но как мало избранных, следующих этим путем.

Необычайное явление Любви с трудом поддается описанию. И доказательство тому – несколько дефиниций из обширной подборки высказываний о Любви. Любовь – это «дитя иллюзии» (М.Унамуно) и «гостя мудрости» (А.Ренье); «сладостная тирания» (Г.Бон), «общение между тиранами и рабами» (О.Голдсмит) и «дитя свободы», «свободное избрание» (П.Флоренский); «борьба полов» (А.Дюма-отец), «эгоизм вдвоем» (Ж. де Сталь) и «жажда целостности» (Платон); «игра, в которой все плутуют» (О. де Бальзак), «зубная боль в сердце» (Г.Гейне) и «небесная капля, которую Боги влили в чашу жизни» (А.Рочестер); «страшное землетрясение души» (Г.Гейне) и «вершина всего» (У.Сароян)³.

Бесконечно разнообразные, парадоксальные определения служат для исследователей основанием не менее бесчисленных типологизаций любви. Философы выделяют любовь эротическую и платоническую, земную и небесную, плотскую и мистическую, чувственную и духовную, возвышающую и низводящую; любовь-страсть, любовь-уважение и любовь-веру, любовь-секс и любовь-дружбу; любовь внутреннюю: «любовь-чувство, любовь-состояние – жизнь сердца, психоло-

---

¹ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 3. С. 225.

² Рерих Е.И. Письма. М., 1999. Т. 1. С. 30.

³ Кротов В.Г. Словарь парадоксальных определений. М., 1995. С. 186–191.

гическая материя любви» – и любовь внешнюю – «любовь-отношение, жизненные связи любящих, нравы и обычаи любви» и так далее¹.

При всех различиях видов, ипостасей, типов любви есть, однако, нечто, их объединяющее. Платон называл это неизбывной «жаждой целостности и стремлением к ней»; тем, что определялось им как холизм. Действительно, как вид психической деятельности, как способ переживания, как универсальная ценность любовь всегда выводит человека за пределы его малого ограниченного единичного бытия в пространство бытия другого. Она решительно нарушает границы «я», совершая акт активной трансперсонализации². Любовь буквально не знает границ, ибо жаждет нераздельности, слитности, «преисполненности» (И.А.Ильин) другим, вмещения другого, противостоя разобщенности и отчуждению.

Однако мера и полнота целостности, способ и характер, которыми она достигается, напрямую зависят от широты горизонтов, глубины пространства, топологической структуры, – одним словом, от особенностей жизненного мира как «я», так и «другого».

Ставя другого в центр пространства, которое строится деятельностью Любви, и стремясь быть для другого всем, каждая из сторон любовных отношений, – в случае неразвитого, слабо осознанного или сильного, но узко-эгоистического жизненного мира, – оказывается перед реальной угрозой утраты своей свободы и суверенности. Как отмечает Ж.П.Сартр, безрассудное растворение себя в индивидуальности другого, низведение до «инструмента пользования собой» – одна из возможных в этом случае фигур так называемого единения в любви. Вторая фигура – одержимость деспотической жаждой присвоить себе индивидуальность другого, узурпировать, подавить, поглотить ее.

Итак, даже введение такого родового, природного свойства человека, как «жажда целостности» в качестве системообразующей оси феномена Любви, само по себе не снимает антиномичности, многоликости, неуловимости ее природы, не разрешает загадку Любви как желаемой Гармонии и оставляет нас беспомощными перед этим великим явлением Жизни.

Думается, однако, что одним из плодотворных путей «устранения» этой «трудноразрешимой проблемы», этого «безвыходного положения», этого «неразрешимого противоречия», когда каждая из противоположностей может быть признана одинаково обоснованной, является рассмотрение Любви не только из опыта отдельной, обособленной

---

¹ Рюриков Ю.Б. Три влечения. Барнаул, 1998. С. 167–168.

² Трансперсонализация (*лат. trans* – сквозь, через) в нашем контексте может быть понята и как движение через себя, пересечение своего «я-пространства», и как выход за пределы себя, «по ту сторону “я”».

узкими рамками самости, человеческой жизни, но посредством взгляда на Любовь из энергетического пространства Беспредельного Бытия.

Беспредельность с позиции Любви раскрывается не как абстракция, некая смутная, аморфная целостность, а как всеобщая связанность мира; Любовь же в «горизонтах» Беспредельности предстает как отзвук, отблеск, отражение, трепет его всеобщего единства. При этом всеобщее единство и всеобщая связанность явлений, конечно, не есть простая сумма или синкретизм, под которым обычно понимают нерасчлененное единство, свойственное первоначальному, неразвитым состояниям некоего целого.

Единство в беспредельном пространстве Любви – это новый вид, новый тип, новая грань Единства, которая может быть понята сегодня как «взаимо-отражение», как «всеобщая отражаемость» Бытия¹, как «взаимо-со-действие»². Это особые отношения слитности, но не растворенности; соединенности, но не потерянности себя в другом. Такие отношения и образуют третью фигуру Единения-в-Любви.

Войдя в пространство, структурируемое Любовью, в поле тончайших взаимоотражений и могущественных резонансных соответствий, получая возможность прямого постижения Беспредельности как всеединства, человек обретает способность улавливать сложнейшие ритмы,двигающие эволюцию жизни, вписываться в них и действовать, говоря языком синергетики, фрактально им. Он получает реальную возможность обрести себя как субъекта творческого развития Бытия, а не его объекта. В этом пространстве раскрывается уникальность Любви в качестве инструмента ведения жизни, деятельности преобразования себя, другого, миров вокруг...³

Благодаря доминанте другого Любовь в качестве особого способа деятельности дарит возможность значительных проникновений в его мир и глубокой укорененности там. Исполненная трепетных надежд, она побуждает искать в облике другого его достоинства: лучшее, высшее, совершенное. «...Как высшее чувство она дает оптимальные возможности личности быть продолженной в идеальной представленности в другом»⁴. Стендаль называл механизм этой идеалообразующей деятельности «кристаллизацией чувств». В заброшенные глубины соляных копей Зальцбурга, писал Стендаль, «кидают ветку дерева, оголившуюся за зиму; два или три месяца спустя ее извлекают оттуда, покрытую блестя-

---

¹ Булгаков С. Икона и иконопочитание. М., 1993.

² Дульнев Г.Н. «Золотое сечение» жизни. Введение в синергетику // Культура и время. 2006. № 2. С. 59–71.

³ Подробнее см.: Малышев М.А. Любовь и влюбленность // Рациональное в иррациональном. Екатеринбург, 1995.

⁴ Психологический словарь. М., 1985. С. 171.

щими кристаллами; даже самые маленькие веточки, которые не больше лапки синицы, украшены многочисленным множеством подвижных и ослепительных алмазов; прежнюю ветку невозможно узнать»¹.

Поразительно совпадение этой метафоры, отобранной воображением французского литератора для описания механизма преобразования Любовью, с описанием отложений кристаллов психической энергии человека на предмет его длительного духовного внимания в той части философского наследия семьи Рерих, которая посвящена изложению основ энергетического мировоззрения². Высокая напряженность, накал чувств, образуемый переживанием Любви, их сильная концентрация в буквальном смысле слова «запечатлевают», откладывают мыслеобраз – продукт идеалообразующей деятельности – во внутреннем мире другого.

Рассматривая любовь как взаимоотношения разных полов, известный испанский философ Ортега-и-Гассет связывает идеалообразующую деятельность в этом чувстве прежде всего с деятельностью женщины. Ее высшая миссия – вдохновлять мужчину на неустанный поиск и реализацию идеала во всех сферах окружающего мира, побуждать, пробуждать, мобилизовывать к действию родовую тягу человека к самосовершенствованию и возвышению.

Однако результат деятельности «кристаллизации чувств» зависит от того, насколько образ воображения согласован с внутренними качествами другого. Человек способен как глубоко сущностно прозревать в предмет любви, так и наделять его, приписывать ему несуществующие, а всего лишь им ожидаемые совершенства. Если «я» человека ограничено, лишено способностей к глубоким духовным прозрениям в духовный образ другого, в его путь, служение, миссию, в ядро его личности, то идеалообразующая деятельность может остаться призрачной мечтой, пустой фантазией. А «розовые очки» имеют обыкновение рано или поздно слетать; чувства оскудевают, и рушится мнимая гармония любви. В ином варианте – человек начинает «ломать» другого под свои ожидания, насилуя его волю, да и всю его личность: «Если я тебя придумала, стань таким, как я хочу!»

Если же «я» человека развито настолько, что оказывается способным чутко уловить, угадать и отразить в себе и через себя те свойства, качества, черты другого, которые ему потенциально и в то же время объективно присущи, но которые пока существуют лишь в возможности как потаенные до времени клады души, – тогда другой получает ни с чем

---

¹ Стендаль. Собр. соч.: В 12 т. М., 1978. Т. 7. С. 14.

² См.: Рерих Н.К. Обитель Света. М., 1992; Шапошникова Л.В. Великое путешествие. М., 2005. Кн. 3. Вселенная Мастера.

не сравнимый, органичный импульс для реализации себя как уникальной ценности, как носителя только ему присущей индивидуальности.

В терминах синергетической картины мира этот процесс касания Любви может быть понят как резонансное воздействие, образующее особое фрактальное поле, поле ряда подобий, проникаясь которым интериоризируя которое, другой, – часто как будто незаметно для себя, как будто не прилагая особых усилий, не прибегая к искусственным ухищрениям, – раскрывает сокровенное богатство своих духовных накоплений.

«Тот человек, кого ты любишь во мне, конечно, лучше меня: я не такой. Но ты люби, и я постараюсь быть лучше себя...»¹ Это признание М.Пришвина с удивительной простотой облекает заявленный в начале наших размышлений теоретико-философский тезис о Любви как особом пространстве беспредельных взаимоотражений в живой ткани Жизни.

Искусство, чуткое к тончайшим касаниям многоуровневой и многомерной Жизни, к отражению самых утонченных и самых сложных состояний духа, оставило немало свидетельств о той фигуре Любви, которую мы связали с взаимоотражением. Уникальным явлением ноумена Любви–Единения в отечественной культуре стала икона «Троица» А.Рублева (ок. 1360–70 – ок. 1430). Замечательная статья П.Флоренского, посвященная духовным смыслам «Троицы», цитируется в статье Л.А.Шумихина². Дополним ее лишь тем, что искусствоведы не раз отмечали особенности построения иконы, основанного на тончайших нюансах согласий и подобий, на ритмических, а не метрических, повторах, на принципах фрактальности, или резонансности, как сказали бы сегодня в контексте синергетического подхода. Словно сокровенная «книга тихих созерцаний», переживаются здесь детали: и перстосложение, и жесты, и наклоны голов, и ракурсы поз, и абрис крыльев... Словно песнь утра среди среднерусских полей, звучит общее колористическое решение, построенное на тончайших согласованиях, – известных в цветоведении много позже как «цветовой круг Гёте», – теплоты золотистых охр, травной зелени, «владимирской вишни», голубца и др. Мотив жертвенной чаши, чаши Искупления, Сосуда Божественного Огня многократным эхо отражается в общем композиционном рисунке иконы: вначале в виде чаши с тельцом, вписанной в прямоугольник столешницы, затем в контурах межпредметного пространства, образованного краями одежд, покрывающих

---

¹ Пришвин М.М. Незабудки. М., 1969. С. 177.

² См.: Шумихина Л.А. Космос русской иконы: к проблеме воспитания духовности // Идеи космизма в педагогике и современном образовании: от прошлого к будущему. Екатеринбург, 2006.

ноги Ангелов, и подножием; наконец, в абрисе крыльев Ангелов, охватывающих, окрыляющих и возносящих весь композиционный мир иконы. Чаша Вознесения.

Любовь Земли, Воды и Неба как взаимоотражение великих мирообразующих стихий наполняет поразительную ксилографию японского мастера К.Хокусаэ (1760–1849) «Фудзи, отраженная в воде» из серии «100 видов Фудзи».

Образ духовно-душевных переживаний Любви как взаимоотражения звучит в работах другого японского графика, С.Харунобу (1725–1770). В одной из них – «Влюбленные, играющие на одном сямисэне» – два тела, два лица, две души объединены плавным, неторопливо бегущим певучим абрисом, образующим некую единую сложноподчиненную фигуру, у которой две руки: одна «держит» струны на грифе инструмента, другая подобием плектра «перебирает» их на корпусе. Так рождается Звук, Звуки, Мелодия, графически записанная в четкой метрике рисунка полосатого мужского кимоно и сопровождающем ее сложном прихотливом орнаменте женского. Этот же прием повторен художником в ксилографии, изображающей влюбленных, как-то особенно «ладно» переходящих вброд реку. И здесь на две фигуры изображены две ноги.

Данный способ пластического обобщения встречается и в произведениях европейских мастеров. Так, в одной из живописных работ М.Шагала (1887–1985), посвященных мотиву влюбленных, две склоненные навстречу друг другу фигуры, словно лепестки одного цветка, имеют как будто одно лицо, один профиль, одну головку.

Тонкий и сложный образ духовно-душевных переживаний Любви-единения «остановлен» в гравюрах К.Утамаро (1753–1806). Здесь, как отмечают исследователи, нет контрастов типа: любовь–ненависть; преданность–измена; отчаяние–восторг. Амплитуда душевных движений героев Утамаро – любовь–размолвка, преданность–несогласие, светлая печаль–негромкая радость. Изображая сцену размолвки, поместив фигуры спиной друг к другу, Утамаро передает момент душевной несогласованности, но не конфликт. Фигуры объединены единым ритмом линий: родившись в одной, линия, чуть изменившись, продолжается в другой фигуре. И это внутреннее единство смягчает конфликт, сообщает ему оттенки грусти, раздумья, скорее объединяющие героев, чем углубляющие их несогласие.

Поистине, перефразируя В.С.Соловьева, можно сказать: Любовь – «решающий [синергийный. – О.У.] жизненный эксперимент»¹.

---

¹ Соловьев В.С. Смысл любви // Избранные произведения. М., 1991.

* * *

Что же мне делать певцу и первенцу
В мире, где наичернейший сер,
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью в мире мер?!

М. Цветаева

На протяжении всей истории человечества в сердце каждого из нас живут, притаившись или расцветая, Вера, Надежда, Любовь. Обладая необычайной притягательной силой, став родовыми качествами человечества, чутко, бережно, с незаметным постоянством ведут они свое великое дело осмысления жизни, восстановления, реабилитации души в условиях «истерзанного мира». Будучи уникальным способом преодоления себя и мира, они открывают перед земным обыденным сознанием врата в Беспредельное, объединяя в деятельности переживания конечное и бесконечное, индивидуальное и универсальное, рациональное и интуитивное, внерациональное. Мера одаренности, степень овладения этими видами психической деятельности в конечном счете и определяют успешность научного поиска, глубину художественных откровений, мудрость повседневной жизни, осуществление сердечного гуманно-личностного подхода к детям.

Так в «лаборатории духа» человека просто и величественно Культура правит жизнь.